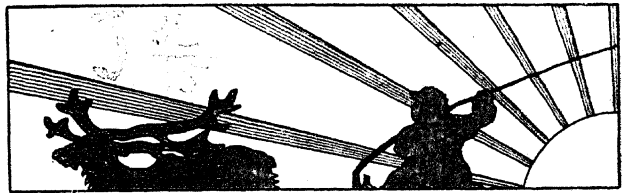

Земля и Люди
географическая библиошеша

Жизнь народовъ России

Л. Инфантьевъ

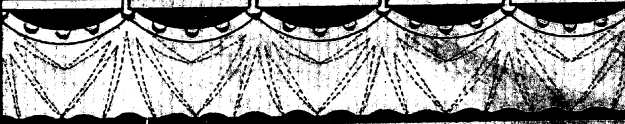
ЧУВАШСКАЯ СВАДЬБА

Разказъ изъ жизни чувашъ

Съ 6 рисунками

Издание П. В. Луковникова.

ЖИЗНЬ НАРОДОВЪ РОССІИ.

Разказы П. Инфантьева.

Во всемъ мірѣ нѣтъ другой столь же разноплеменной страны, какъ наша родина. Достаточно сказать, что въ ней насчитывается болѣе ста различныхъ народностей, говорящихъ каждая на своемъ особомъ языкѣ, имѣющихъ свои племенные отличія, нравы, обычаи и вѣрованія. А между тѣмъ мы очень мало что знаемъ даже о наиболѣе крупныхъ изъ этихъ народностей; о большинствѣ же мелкихъ, малокультурныхъ и некультурныхъ народностей мы часто даже и совсѣмъ ничего не слыхивали. Въ нашихъ школахъ нѣтъ преподаванія этнографіи Россіи, а при прохожденіи курса географіи преподаватели знакомятъ учениковъ только въ общихъ чертахъ, мимоходомъ, съ многочисленными мелкими народностями, обитающими въ предѣлахъ Россійской имперіи, да и то только въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Народная же школа остается совершенно въ невѣдѣніи, что за народы, кромѣ русскихъ, живутъ вмѣстѣ съ нами въ нашей общей родинѣ. Популярныхъ книжекъ, описывающихъ жизнь, нравы и обычаи населяющихъ нашу родину народовъ, тоже очень немного, да и написаны онѣ часто сухимъ, мало интереснымъ языкомъ.

Чтобы хоть немного заполнить этотъ пробѣлъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи малокультурныхъ и некультурныхъ народностей, книжный магазинъ П. В. Луковникова выпускаетъ подъ общимъ заглавіемъ „Жизнь народовъ Россіи“ рядъ иллюстрированныхъ разказовъ, въ живой формѣ знакомящихъ читателей съ бытомъ, нравами, обычаями и вѣрованіями обитавшихъ въ Россіи мелкихъ народностей.

Къ настоящему времени вышли изъ печати двѣ серіи, состоящія изъ слѣдующихъ семнадцати разказовъ:

- Полярный Робинзонъ (изъ жизни эскимосовъ). Съ 17 рис. Ц. 20 к.
- Охотники за горбачами (изъ жизни бурятъ). Съ 11 рис. Ц. 14 к.
- Мурманскіе зуйки (изъ жизни поморовъ). Съ 12 рис. Ц. 16 к.
- Злая Береметь (изъ жизни чувашъ). Съ 6 рис. Ц. 11 к.
- Дѣти-сироты (изъ жизни остяковъ). Съ 6 рис. Ц. 15 к.
- Собака Хозяина горъ (изъ жизни гиляковъ). Съ 12 рис. Ц. 16 к.
- Женитьба Пакангуга (изъ жизни камчадаловъ). Съ 8 рис. Ц. 13 к.
- Сухая бѣда (изъ жизни вотяковъ). Съ 5 рис. Ц. 14 коп.
- Тигръ-любоудъ (изъ жизни гольдовъ). Съ 6 рис. Ц. 11 коп.
- Маленькій купецъ (изъ жизни якутовъ). Съ 8 рис. Ц. 12 коп.
- Первобытные грамотеи (изъ жизни юкагировъ). Съ 10 рис. Ц. 13 коп.
- Дочь шуленги (изъ жизни карагасовъ). Съ 7 рис. Ц. 11 коп.
- Соперники (изъ жизни ороchonъ). Съ 5 рис. Ц. 13 коп.
- Въ Амурской тайгѣ (изъ жизни тунгусовъ). Съ 6 рис. Ц. 14 коп.
- Жертва вогула и Чары шамановъ (изъ жизни вогуловъ). Съ 9 рис. Ц. 17 к.
- Чувашская свадьба (изъ жизни чувашъ). Съ 6 рис. Ц. 14 коп.
- Тамыръ (изъ жизни среди туркменъ и хивинцевъ). Съ 13 рис. Ц. 17 к.

Въ папкѣ каждая книжка на 10 копъ дороже.

На родинѣ первыхъ людей.

Приключенія двухъ гимназистовъ въ Средней Азій. П. Инфантьева
Съ 27 рисунками. Цѣна 50 коп., въ папкѣ 70 коп., въ переплетѣ 1 р

ЖИЗНЬ НАРОДОВЪ РОССІИ

2-161

Л. Инфантьева

ЧУВАШСКАЯ СВАДЬБА

Разсказъ изъ жизни чувашъ

ЧУВАШИ

ОЧЕРКЪ

Съ 6 рисунками

Изданіе книжнаго магазина П. В. ЛУКОВНИКОВА

Спб., Лештуковъ пер., 2

1912

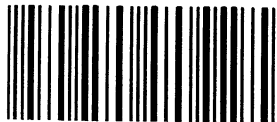
7965

818

1-903

19049-44

2007112367

Типо-литография «Энергия», Спб., Загородный, 17.

Чувашская свадьба.

Разсказъ изъ жизни чувашъ.

I.

Въ одномъ изъ глухихъ уѣздовъ Казанской губерніи, въ сторонѣ отъ Волги и проѣзжей дороги, по двумъ скатамъ глубокой ложбины, у грязнаго ручья, стояла чувашская деревня. Дома въ деревнѣ сохраняли свои чувашскія черты и особенности и значительно отличались отъ домовъ русскихъ крестьянъ. Большая ихъ часть строилась дверями на востокъ, куда чувашаи въ своихъ языческихъ молитвахъ обращаются къ богамъ. вмѣсто сѣней, по правую сторону отъ двери устраивались чуланчики — булдыры. Съ лѣвой же стороны находилось волоковое окно, къ которому во время поминокъ усопшихъ и другихъ религіозныхъ церемоній прилѣплялись восковыя свѣчи. По южной и западной сторонѣ тянулись широкія нары — сагане. Эти сагане у чувашъ служатъ и лавками и постелями. На сѣверной сторонѣ устраивалась битая изъ глины кумагга — печь съ очагомъ, на которомъ варятъ любимую чувашами кашу—яшку. На той же сторонѣ волоковое окно для выпуска дыма. Въ южной стѣнѣ, недалеко отъ кивота съ иконою, большое окно съ рамою, въ которомъ, по большей части, вмѣсто стеколъ, вставлялись бычьи пузыри.

За домомъ находились кадры — скотные дворы. На юго-восточной сторонѣ дома — амбары, въ нѣкоторыхъ дво-

рахъ двухъэтажные. Здѣсь, въ этихъ амбарахъ, помѣщались, между прочимъ, и ирихи—чувашскіе домашніе божки. Впрочемъ, ирихами у чувашъ называются собственно кадки или кузова, наполненные костями принесенныхъ въ жертву животныхъ и поставленные или подвѣшенные въ углахъ амбаровъ. Надъ ними ставились вѣтки рябины, къ которымъ подвѣшивались кусочки олова, серебряныя деньги и разныя другія блестящія, имѣвшія особенное символическое значеніе.

Тотчасъ же за деревней начинались поля и пашни, а немного далѣе тянулись густые, темные лѣса.

Былъ конецъ ноября. На гумнахъ уже давно не видно было ни одной неубранной копны хлѣба, а на верхушкѣ каждаго овиннаго шпша виднѣлся воткнутый необмолоченный снопъ, какъ жертва птицамъ небеснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знакъ, что хозяинъ гумна покончилъ лѣтнія работы и радъ угостить добраго гостя новымъ хлѣбомъ и выпить съ нимъ ковшъ пива.

Стояла пора кюръ-сыры, т.-е. осенняго пивоваренія и розговѣнья новымъ хлѣбомъ, которыя съ незапамятныхъ временъ празднуются у чувашъ съ особенною торжественностью. Чуваша въ это время приносятъ благодарственныя жертвы своимъ богамъ за ихъ благодѣянія, за помощь и покровительство при посѣвѣ и уборкѣ хлѣба. И каждый чувашенинъ счелъ бы для себя величайшимъ грѣхомъ употреблять новый хлѣбъ и новое пиво, не совершивъ сначала чукленья, т.-е. моленія о хлѣбѣ, совершаемаго съ особенною торжественностью и церемоніями. Это чукленье ближайшіе родственники и досы производятъ обыкновенно поочередно другъ у друга, по взаимному предварительному соглашенію.

Досами у чувашъ называются друзья, давшіе другъ другу обѣтъ въ неразрывной дружбѣ и готовности жертвовать всѣмъ для своего друга. Этотъ обычай, впрочемъ, те-

перь, вслѣдствіе злоупотребленій имъ со стороны русскихъ, старавшихся извлекать изъ досовъ свои выгоды, уже почти вывелся и сохранился только у самыхъ удаленныхъ отъ русской цивилизаціи чувашъ.

II.

Въ одной изъ наиболѣе зажиточныхъ чувашскихъ семей, у степеннаго Василя Ивановича, какъ его всѣ называли въ деревнѣ, шло спѣшное приготовленіе къ встрѣчѣ праздника чукленья. Вотъ уже нѣсколько дней вся семья была въ хлопотахъ, готовя разныя угощенія для приглашенныхъ родныхъ и досовъ. Женщины варили изъ новаго солода и хмеля пиво, пекли изъ новой муки хлѣбъ, готовили изъ новой крупы яшку и проч. Самъ Василій Ивановичъ съѣздилъ даже въ городъ и привезъ цѣлое ведро водки для угощенія гостей.

Семья у Василя Ивановича была большая и состояла изъ восьми душъ: его самого съ женой, женатаго сына Касьяна, или, по-чувашски, Казюшки, у котораго былъ уже семилѣтній сынишка Юшка (Юна), дочери Кулингге (Акулины), дѣвушки 24 лѣтъ, и второй дочери Анны, 16-лѣтней дѣвушки. Кромѣ того, у него была еще престарѣлая мать Подене.

Наканунѣ праздника вечеромъ семья сидѣла за ужиномъ.

— Ну, кажись, у насъ теперь все приготовлено,—сказала Палань, жена Василя Ивановича.

— Все-то все, да только теперь постъ, а яшка у насъ сварена съ мясомъ. Какъ бы бачько опять не узналъ, что мы ѣдимъ въ постъ скоромное,—замѣтила неvěстка.

— Не узнаеть, — съ увѣренностью отвѣтила бабка. — Мнѣ теперь доподлинно извѣстно, кто бачкѣ на насъ доносилъ.

— А кто же?—съ удивленіемъ спросилъ Василій.

— Кто? А кудесра-тора *). Не даромъ вѣдь бачько велить ставить ее въ каждомъ домѣ въ переднемъ углу. Ну, да теперь она не увидить.

Василій Ивановичъ и всѣ его семейные опасливо поко- сились на стоящую въ переднемъ углу икону, которая ока-

Чуваши.

залась перевернутою предусмотрительной бабкой_лицомъ къ стѣнѣ.

Священникъ былъ однажды съ требою у Василя Ива- новича въ постный день и, по запаху догадавшись, что семья ѣла скоромное, пожурилъ его за это. Не понимая, откуда могъ узнать священникъ, что дѣлается у нихъ въ домѣ, старая Подене вывела заключеніе, что икона нахо-

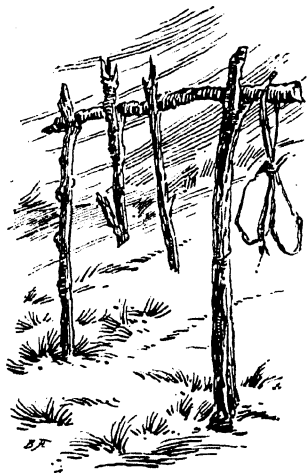
*) Буквально—богъ угла.

дится въ какомъ-то таинственномъ общеніи съ бачькой и передаетъ ему все.

— А вѣдь это правда. Какъ же мы раньше-то не догадывались? Вѣдь, впрямь, кто же могъ, кромѣ кудесраторы, передать бачькѣ, что мы ѣдимъ скоромное? — сообразилъ и Василій.

Бабушка Подене была уже древняя старуха и во всей семьѣ наиболѣе приверженная къ старой, отцовской вѣрѣ. Крещена она была еще въ молодости, но христіанская религія ей была мало понятна. Правда, она не чуждалась христіанскихъ святыхъ, которыхъ считала одаренными тѣми же свойствами, что и чувашскіе боги, но въ то же время среди своихъ ододеревенцевъ она слыла хранительницей древнихъ языческихъ обрядовъ и наперечетъ знала всѣхъ прежнихъ боговъ. У чувашъ она исправляла на нѣкоторыхъ общественныхъ моленіяхъ даже роль іомси (жреца). Считая себя поэтому не менѣе осѣдомленной въ области православной религіи и религіозныхъ обрядовъ, чѣмъ священникъ, она относила къ послѣднему довольно скептически.

Мѣсто для жертвоприношеній у чувашъ.

— Я слышала, мужики сказывали, будто бачько не велитъ приносить жертвы богамъ, — замѣтила опять невѣстка.

— Да послушать бачьку, такъ по-его выходитъ, что и чукленья праздновать не слѣдуетъ, — съ сердцемъ возразила старуха. — Онъ знаетъ только своихъ русскихъ боговъ, а о тѣхъ, которымъ клаялись наши отцы и дѣды, онъ даже самъ никогда не слыхивалъ. Охъ, ужъ мнѣ эти новые мо-

лодые попы! Когда они появились, вмѣсто нашихъ старыхъ іомсей, все стало хуже, и народъ сталъ жить бѣднѣе, потому что началъ отвращать отъ чувашъ лицо свое Сюльди-Тора *). Если бы бачко училъ въ церкви, какъ надо кланяться чувашскимъ богамъ, такъ не то у насъ бы и было...

И долго еще ворчала старая Подене на новыхъ русскихъ православныхъ священниковъ, не желавшихъ почти-тельно относиться къ прежнимъ чувашскимъ богамъ.

III.

На слѣдующій день всѣ приготовленные яства и напитки были разставлены въ просторной избѣ на большомъ столѣ, посреди котораго въ первую голову возвышался очень почтенной величины пызыкъ лянгысъ, т.-е. кадка съ пивомъ. Къ полудню уже изба была полна родственниками и досами хозяина, пришедшими каждый со своимъ ковшомъ. Ждали только прибытія приглашеннаго на этотъ случай стараго іомси, который долженъ былъ заправлять церемонію праздника.

Но вотъ наконецъ явился и онъ. Поставивъ всѣхъ присутствовавшихъ въ домѣ чувашъ строемъ передъ растворенною дверью, выйдя на востокъ, іомся взялъ со стола каравай хлѣба и, держа его въ правой рукѣ, а въ лѣвой подъ мышкой—свою шапку, началъ читать благодарственную Сюльди-Торѣ молитву за урожай и просить его, чтобы онъ и на будущій годъ благословилъ труды молящихся обиліемъ, умножилъ ихъ скотъ, ниспослалъ имъ вовремя и въ мѣру дождь и даровалъ бѣдному своему народу миръ и тишину.

— Помилуй и не оставь! — повторяли за нимъ молящіеся.

---

*) Богъ добра и свѣта.

Затѣмъ іомся, трижды осѣнивъ избу хлѣбомъ, разрѣзаль его на куски и роздалъ всѣмъ присутствовавшимъ, изъ которыхъ каждый долженъ былъ одну половину кусочка съѣсть, а другую бросить на печь, въ даръ домовому Ий-о.

Послѣ этого іомся взялъ кусокъ сыру, прочиталь надъ нимъ точно такую же молитву и точно такъ же раздѣлили его между молящимися, которые одну половину съѣли, а другую побросали на печь. Та же исторія повторилась затѣмъ и съ другими кушаньями, а наконецъ и съ кашей, розданной каждому по ложкѣ, но кашу уже не бросали на печь, а ѣли всю.

Наконецъ іомся зачерпнулъ своимъ ковшомъ изъ кадки пива, его примѣру послѣдовали всѣ остальные, и съ наполненными ковшами снова всѣ выстроились лицомъ на востокъ, къ раскрытой двери. Іомся снова, какъ и при молитвѣ надъ хлѣбами, провозгласилъ благодарность Сюльди-Торѣ.

— Помилуй и не оставь! — промолвили опять молящіеся, и, по примѣру іомси, каждый, отливъ немного изъ своего освященнаго такимъ образомъ ковша въ лянгысь, съ восклицаніемъ: „во имя Сюльди-Торы!“ — выпилъ остатокъ изъ ковша.

Снова іомся зачерпнулъ изъ кадки въ свой ковшъ, и снова его примѣру послѣдовали молящіеся. На этотъ разъ іомся провозгласилъ молитву матери боговъ, и опять всѣ выпили по ковшу съ тѣми же церемоніями. Выпили затѣмъ во имя бога, творца міра, по ковшу; во имя бога, творца душъ, во имя бога солнца, во имя богини солнца, во имя бога мѣсяца, бога грома и молніи, бога изобилія, бога земли, бога водяного, лѣснаго, домового, бога домашняго скота, бога дорогъ и проч., и проч., и проч. Затѣмъ послѣдовали обращенія съ молитвами къ разнымъ кереметямъ: къ большой, малой, средней, серебряной, злой и проч. И во имя cadaго изъ этихъ боговъ и кереметей каждый молящійся обязательно долженъ былъ выпить, чтобы никого изъ нихъ не обидѣть, тѣмъ болѣе, что чуваши пили въ полной увѣренности, что пьютъ это не они сами, а тѣ боги и

керемети, къ которымъ обращена молитва; поэтому прежде, чѣмъ сдѣлать поклонъ провозглашенному юмсей богу, каждый поднималъ свой ковшъ съ пивомъ, какъ бы кого-то угощая, и шепталъ при этомъ: „это такому-то богу!“.

Перебравши всѣхъ своихъ языческихъ боговъ, богинь и кереметей и выпивъ за каждого изъ нихъ по ковшу пива, молящіеся обратились къ православной иконѣ, передъ которой хозяинъ возжегъ восковую свѣчку, перевернувъ икону ликомъ уже къ присутствующимъ. И всѣ снова, уже пошатываясь, зачерпнули по ковшу пива, сотворили крестное знаменіе и стали съ тѣми же церемоніями кланяться иконѣ, а юмсея въ это время провозглашалъ:

- Русскій Богъ, спаси и помилуй!
- Матерь Божія, спаси и помилуй!
- Ангелъ Божій, спаси и помилуй!
- Богъ Николай, спаси и помилуй!

При этомъ за каждымъ возгласомъ слѣдовало новое питье. Мало-по-малу молящіеся такъ намолились, что еле держались на ногахъ.

По окончаніи всѣхъ этихъ церемоній, на сценѣ появился шыбырзе — музыкантъ съ волынкой, сдѣланной изъ бычьяго пузыря со вставленными въ немъ птичьими косточками, и подъ ея игру начались пѣсни, пляски, словомъ, пошелъ пиръ горой, продолжавшійся до глубокой ночи.

А на слѣдующій день повторилось то же самое у другого домохозяина. И чуть не до самаго Рождества чувашки праздновали розговѣнье новымъ хлѣбомъ, ходя поочередно изъ двора во дворъ.

IV.

Во время этихъ празднествъ однажды Василій Ивановичъ былъ на чуکلени у одного изъ своихъ досовъ. Тамъ же въ числѣ приглашенныхъ былъ одинъ чувашенинъ изъ

сосѣдной деревни—Михала. Когда уже всѣ подвыпили, Михала подѣлъ къ Василию Ивановичу и вступилъ съ нимъ въ бесѣду.

— А я давно, Василий Ивановичъ, собираюсь поговорить съ тобой по душамъ,—начальъ Михала.

— Что же! Покалякаемъ. О чемъ ты хочешь со мной поговорить?—спросилъ Василий Ивановичъ.

— Да вотъ, какъ ты знаешь, у меня сынъ подростъ, а у тебя Кулингге давно уже на возрастъ...

— Э, братъ Михала, я вѣдь свою Кулингге дешево не отдамъ,—персбилъ его Василий Ивановичъ, насторожившись:—она у меня въ семьѣ первая работница, лучше мужиковъ всякую работу править, и лишиться такой работницы все равно, что лишиться правой руки.

— Да вѣдь за калымомъ я не постою, — возразилъ Михала.—А когда-нибудь да надо же тебѣ ее будетъ выдавать.

— Она у меня еще молода, еще годковъ пять-шесть можетъ посидѣть въ дѣвкахъ; ну, а тамъ за женихами на хорошую хозяйку никогда дѣло не станетъ.

— Оно такъ-то такъ, а все-таки нехорошо дѣвку держать долго: она, пожалуй, и сама можетъ уйти, и тогда ты ничего за нее не получишь.

— Ну, моя Кулингге не уйдетъ: не изъ таковскихъ; она у меня послушная и смиренная.

— Да вѣдь и у меня женихъ не худой, за худого и свататься бы не сталъ. Говори, сколько ты хотѣлъ бы за нее взять?

— Меньше пятисотъ рублей ни за что не соглашусь,—отвѣтилъ Василий Ивановичъ.

Пятисотъ рублей—это была цѣна калыма неслыханная и равнялась полному отказу, да Василий Ивановичъ и дѣйствительно не намѣревался отпускать отъ себя Кулингге, хотя той шелъ уже 25-й годъ. Но чуваши вообще выдаютъ

своихъ дочерей замужъ очень поздно, и женихи почти всегда бываютъ моложе невѣсть.

— Шутить, что ли, Василій Ивановичъ, али вправду совсѣмъ не хочешь выдавать Кулингге, думаешь навсегда оставить ее въ дѣвкахъ?

— Ну, это понимай, какъ знаешь, а только меньше пятисотъ не возьму и копейки не уступлю.

Чувашка.

Какъ ни бился Михала съ Василюмъ Ивановичемъ, надавалъ даже двѣсти рублей, — деньги тоже не малыя, — но такъ и отошелъ ни съ чѣмъ.

Однако Михала не оставилъ своего намѣренія породниться съ Василюмъ Ивановичемъ. „Не хочеть отдавать добромъ, такъ вѣдь можно попробовать взять Кулингге хитростью“, — думалъ онъ, раздосадованный неудачей.

Въ семьѣ у Михалы былъ всего только одинъ сынъ; двѣ старшихъ дочери были уже замужемъ и жили отдѣльно.

Понятно поэтому, что Михала давно уже съ нетерпѣнiемъ поджидаль, когда подрастетъ его Илюкъ, чтобы женить его и взять себѣ въ домъ хорошую работницу, и выборъ его остановился на Кулингге, о которой далеко шла слава, какъ о прекрасной хозяйкѣ. У чувашъ выбираютъ и сватаютъ женъ для своихъ сыновей обыкновенно отцы, или, за смертью ихъ, старшіе въ семьѣ мужчины, не спрашивая согласія

самого жениха. Но на этотъ разъ намѣченная Михалой невѣста нравилась и Илюку; онъ встрѣчался съ нею на деревенскихъ праздникахъ и на общественныхъ жертвоприношеніяхъ и во время игрищъ всегда отличалъ ее, хотя ни разу и не заводилъ съ нею рѣчи о сватовствѣ. Но онъ не могъ не видѣть, что и онъ самъ тоже ей нравится. Такимъ образомъ, сватовство было начато съ обоюднаго согласія отца съ сыномъ.

— Ничего, слышь, Илюкъ, не могъ подѣлать. Просить пятьсотъ рублей, а гдѣ ихъ взять?—объявилъ Михала своему сыну о результатѣ своего сватовства.

Илюкъ повѣсилъ носъ.

— Ну, да ты больно-то не горюй. Авось, еще не все пропало,—сталъ утѣшать его отецъ.

— Да вѣдь ты же говоришь, что ни копейки не хочешь сбавить?—переспросилъ Илюкъ.

— Ну, и пусть не сбавляетъ. А мы подговоримъ тетку Марью, она баба ловкая и, можетъ-быть, сумѣетъ уломать дѣвку выйти за тебя убѣгомъ.

— Вотъ это было бы хорошо!—оживился Илюкъ.

— Только теперь все равно свадьбу справлять и думать нечего; придется подождать до весны.

Тетка Марья была дальней родственницей Михалы и жила въ той же деревнѣ, гдѣ и невѣста. Она съ удовольствіемъ согласилась быть посредницей въ переговорахъ съ Кулингге и даже обнадежила, что сумѣетъ устроить это дѣло, какъ слѣдуетъ.

Зима миновала; наступила весна. Послѣ обычныхъ жертвоприношеній и моленій чуваша приступили къ посѣвамъ.

Однажды Марья, подкарауливъ Кулингге, когда та отправилась со своими подругами въ лѣсъ за ягодами, пошла слѣдомъ за нею и, постаравшись остаться съ нею наединѣ, осторожно начала наводить ее на разговоръ о женихахъ.

— Сколько тебѣ годковъ, Кулингге?—спросила она.

— Много, тетушка Марья: скоро 25 будетъ,—со вздохомъ отвѣтила дѣвушка.

— Ой, ой, ой, дѣвонька! И ты все еще не замужемъ?..

— А на что мнѣ мужъ? — конфузливо отвѣтила Кулингге.

— Какъ на что мужъ? Не всю же жизнь ты будешь сидѣть въ вѣковушкахъ.

Кулингге ничего не отвѣтила.

— Пора, дѣвка, давно пора выходить замужъ. Составься, кто тебя возьметъ?

— Проживу и одна,— сказала Кулингге.

— Одна? Нѣтъ, дѣвушка, трудно, ой, ой, трудно будетъ одной, безъ мужа прожить! Да неужто за тебя никто до сихъ поръ не посватался?

— Какъ не сватались?—задѣтая за живое, возразила Кулингге.—Сваталось ужъ много жениховъ, да батюшка не хочетъ выдавать, всѣмъ отказываетъ.

Марья сокрушенно покачала головой.

— Это, дѣвка, вѣдь всегда старики такъ дѣлаютъ: они о себѣ только думаютъ, а про своихъ дочерей имъ и горя мало. Ты думаешь, почему онъ тебя не хочетъ выдавать?

— А кто его знаетъ? Должно-быть, жалко со мной разставаться, вотъ и не отдаетъ. Крѣпко вѣдь онъ меня любить.

— Ну, милая, не ошибись. Можетъ-быть, тебя онъ и крѣпко любить, а все-таки себя-то и свое добро любить больше.

— Почему ты такъ худо судишь о батюшкѣ?—съ недоумѣніемъ спросила Кулингге.

— Да чего тутъ судить-то? Всѣ мы—люди грѣшные, всѣ думаемъ только о себѣ. Не хочетъ онъ съ тобою разстаться только потому, что жаль ему лишиться твоихъ рабочихъ рукъ. Всѣ вѣдь знаютъ, что руки у тебя золотыя. А того и не подумаетъ, что когда ты состаришься, а роди-

тели помрутъ, такъ на кого ты одна-то останешься? И будешь вѣкъ вѣковать, какъ сиротинка горе-горькая.

Кулингге ничего не отвѣтила и только тяжело вздохнула.

— А кто же тебя сваталъ въ послѣдній-то разъ?—помолчавъ, спросила хитрая сваха, какъ бы ничего не зная.

— Илюкъ, сынъ Михалы, изъ сосѣдней деревни.

— Илюкъ? Да неужто же онъ тебя не отдалъ даже и за такого богатаго и работающаго парня, да къ тому же единственнаго сына у отца?

— Нѣтъ, отказалъ; говорить, еще рано.

— Ай, ай, ай!—закачала головой сваха. — Жаль мнѣ тебя, дѣвушка, право, жаль. Ну, а сама-то ты хотѣла бы за него выйти?

Кулингге вспыхнула и, ничего не сказавъ, отвернулась. Илюкъ ей давно уже нравился, и она чувствовала себя глубоко несчастной, когда узнала, что отецъ ея отказалъ любимому парню.

— Дѣло это поправимое, если только ты хочешь за него выйти,—продолжала между тѣмъ сваха, видя смущеніе молодой дѣвушки и догадываясь о причинѣ его.

— Какъ поправимое?—оживилась Кулингге, вопросительно посмотрѣвъ на Марью.

— Если бы только ты сама захотѣла, такъ и отецъ твой не могъ бы тебѣ помѣшать найти свое счастье.

— Что ужъ теперь объ этомъ говорить: вѣдь отецъ наотрѣзъ отказалъ Илюку.

— Это ничего не значить. Хочешь, я переговорю съ Михалой и Илюкомъ, и они возьмутъ тебя убѣгомъ?

Кулингге замаялась: такое предложеніе застало ее врасплохъ.

— Нѣтъ, я боюсь, тетушка Марья. Батюшка на меня сильно прогнѣвается, если узнаетъ.

— Чего же ты боишься, глупая? Вѣдь не ты первая,

не ты послѣдняя такъ-то дѣлають. Вотъ я сама тоже убѣгомъ вышла за своего мужа, и не каюсь теперь. Мой отецъ тоже не хотѣлъ-было меня выдавать и отказалъ теперешнему моему мужу; ну, да я и сама не оказалась дура: я сразу же догадалась, что моему отцу не меня надо, а мою работу. Я и подумала, что довольно я на васъ, батюшка, поработала, пора мнѣ и самой о себѣ позаботиться, и не зачѣмъ мнѣ отпускать отъ себя жениха, который былъ мнѣ любъ. И когда мой теперешній мужъ спросилъ меня, пойду ли я за него убѣгомъ, я согласилась, и живехонько мы обвѣнчались. Ну, посердился, посердился потомъ батюшка, да вѣдь ужъ что подѣлаешь? Сдѣланнаго не воротить. Вскорѣ же потомъ и помирились. Да и самъ батюшка потомъ не разъ меня же хвалилъ за то, что я такъ сдѣлала. „А то, говорить, кто знаетъ, нашелся ли бы еще такой хорошій женихъ, если бы этого пропустила?“

Кулингге съ жадностью слушала эти медоточивыя рѣчи свахи и мотала ихъ себѣ на усъ.

— А теперь вотъ твое такое же дѣло, — продолжала Марья:—вѣдь упускать такого завиднаго жениха, какъ Илюкъ, прямо грѣшно. Первое дѣло—одинъ сынъ у отца, и ты, кромѣ мужа со свекровью, никого надъ собой не будешь знать, и работой тебя никто неволить не станетъ. Ну, вотъ, хочешь, я тебѣ устрою твое счастье?

— Ой, тетушка Марья, надо вѣдь объ этомъ подумать! Какъ же такъ сразу?—начала уже сдаваться Кулингге.

— Нечего, дѣвушка, тутъ и раздумывать. Слушай, милая,—заговорила сваха, понижая голосъ, хотя онѣ были совершенно однѣ, и никто ихъ разговора не могъ подслушать:—приходи ты въ воскресенье около полдень на это же самое мѣсто, а я подожду къ тебѣ сюда Илюка, и вы тутъ обо всемъ, что надо, съ нимъ и переговорите. Согласна, что ли?

— Боюсь я,—повторила Кулингге.

— И, мать моя! Ничего тутъ страшнаго нѣтъ. Такъ смотри, я скажу ему, что ты будешь его здѣсь ждать.

— Право, я не знаю...—начала-было дѣвушка.

— Слышать ничего не хочу!—замахала руками Марья. Приходи, непременно приходи! Не подведи меня.

И, оставивъ Кулингге одну, тетка Марья удалилась.

Кулингге была и рада такому обороту дѣла, и все-таки ей было и жутко и боязно, хотя она и сама не могла дать себѣ отчета въ томъ, чего, собственно, ей было страшно.

Сначала она думала не ходить на это свиданіе, но по мѣрѣ того, какъ приближалось воскресенье, эта рѣшимость у нея таяла. Она все время только и думала о предстоящей встрѣчѣ съ Илюкомъ, и подъ конецъ уже не только съ нетерпѣніемъ сама стала ждать этого дня, но ей даже стало казаться, что время идетъ слишкомъ медленно, и она начала опасаться, сдержитъ ли Марья свое обѣщаніе, переговорить ли съ Илюкомъ, и придетъ ли тотъ на условное мѣсто?

И вотъ, едва только наступилъ ожидаемый день, какъ она съ утра принарядилась и, сказавъ матери, что пойдетъ за ягодами, торопливо отправилась на свиданіе, боясь опоздать.

V.

Между тѣмъ Михала съ сыномъ, предупрежденные Марьей, рѣшили прямо съ мѣста свиданія увести Кулингге въ церковь подъ вѣнецъ. Михала еще въ субботу побывалъ у священника и переговорилъ съ нимъ обо всемъ, что касалось составленія брачнаго обыска. Вѣнчаніе было назначено священникомъ на слѣдующій день послѣ обѣда.

Въ воскресенье Илюкъ, одѣвшись въ свое лучшее платье, съѣлъ верхомъ на лошади и въ сопровожденіи нѣкоторыхъ изъ своихъ товарищей отправился на условленное свиданіе, въ то время какъ Марья, въ качествѣ свахи, поѣхала слѣдомъ за нимъ въ экипажѣ, назначенномъ для невѣсты.

Кулингге давно уже была на мѣстѣ и съ тревогою ждала появленія Илюка, волнуясь и недоумѣвая, отчего онъ заставляетъ себя ждать? Чего-чего только она ни передумала за время ожиданія. Ей начинало казаться, что Марья только пошутила, посмѣялась надъ ней, и что Илюкъ вовсе о ней и не думаетъ,—и она была готова расплакаться.

Тѣмъ временемъ Илюкъ, оставивъ лошадей и товарищей на дорогѣ, отправился, по указанію Марьи, въ лѣсъ отыскивать свою невѣсту. Мѣсто Марьей было указано точно, и ему скоро удалось безъ труда отыскать молодую дѣвушку.

— Таву (здравствуй), Кулингге! Что это ты тутъ дѣлаешь?—спросилъ онъ, подходя къ Кулингге.

— Видишь, ягоды собираю,—отвѣтила та, стараясь не выказывать смущенія и нагибаясь надъ травой, будто и въ самомъ дѣлѣ ищетъ ягоды.

— А я, Кулингге, за тобой пришелъ.

— На что тебѣ меня?—спросила дѣвушка, не поднимая головы и стараясь казаться равнодушной.

— Полно, Кулингге, будто не знаешь! Сама знаешь, зачѣмъ. Ужъ все готово; ѣдемъ, что ли, въ церковь вѣнчаться!

— Да ты въ умѣ ли? — изумленно вскинула на него глаза Кулингге.

Она дѣйствительно не ожидала такой скорой развязки. Идя на это свиданіе, она не давала себѣ яснаго отчета, что ее ожидаетъ, и думала, что идетъ только на предварительные переговоры. Поэтому предложеніе прямо ѣхать въ церковь совершенно изумило ее. Она страшно перепугалась и хотѣла-было уже бѣжать отъ Илюка, тоже не знавшаго, что ему говорить и дѣлать, какъ вдругъ, точно изъ земли, выросла передъ нимъ Марья, скрывавшаяся за кустами.

— Ну, Кулингге, ужъ если ты пришла, такъ теперь нечего пятиться назадъ! Да ты, женихъ, чего смотришь? Нечего разговаривать, бери ее и сади насильно, коли она не хочетъ итти добромъ.

И не успѣла Кулинге опомниться, какъ изъ кустовъ выскочили товарищи Илюка, схватили молодую дѣвушку, вынесли ее на дорогу и, несмотря на ея сопротивленіе, усадили въ приготовленный экипажъ и повезли въ церковь.

Чуваши-язычники.

подъ конвоемъ жениха и его товарищей, ѣхавшихъ возлѣ экипажа верхомъ.

Дорогой свахѣ, хотя и съ большимъ трудомъ, удалось-таки убѣдить невѣсту, что все дѣлается такъ, какъ слѣдуетъ, и что иначе нечего было бы и огородъ городить.

Кулинге перестала плакать и покорилась своей участи.

Въ церкви все уже было готово, ждали только поѣзда съ невѣстою. По приѣздѣ молодыхъ, тотчасъ же сбѣгали за причтомъ, и началось вѣнчаніе.

По случаю воскреснаго дня народу на улицѣ было много, и къ церкви устремились любопытные смотрѣть свадьбу. Но поѣзжане упросили церковнаго сторожа запереть на время вѣнчанія церковь, боясь, какъ бы вѣсть о немъ не донеслась преждевременно до Василю Ивановича, и тотъ не разстроилъ бы вѣнца. Сторожъ, которому поднесли за это чарку водки, живо захлопнулъ дверь за вошедшими молодыми и ихъ свидѣтелями, и обрядъ бракосочетанія начался безъ постороннихъ зрителей.

Однако кое-кто на улицѣ узналъ невѣсту, когда ее провозили въ церковь, и догадался, что свадьба происходитъ убѣгомъ. Нашлись добровольцы, мигомъ сбѣгавшіе и сообщившіе Василю Ивановичу вѣсть, что дочь его вѣнчается съ Илюкомъ. Тотъ сначала не хотѣлъ вѣрить, но потомъ вмѣстѣ съ Казюшкой и бабами бросился въ слободку къ церкви. Народъ, собравшійся подлѣ нея, разступился передъ нимъ и съ любопытствомъ наблюдалъ, что изъ этого выйдетъ. Вбѣжавъ на паперть, Василій Ивановичъ ухватился за церковную скобу, но двери оказались запертыми. Онъ началъ кричать и ломиться, стуча въ двери кулаками, но тутъ подошелъ къ нему Михала, остававшійся снаружи вмѣстѣ съ лошадьми и нѣкоторыми изъ поѣзжанъ.

— Здравствуй, свать! Полно тебѣ шумѣть-то. Чего ужъ тутъ? Дѣло сдѣлано, скоро окончатъ. Не срами насъ и себя,—сказалъ онъ, кланаясь въ поясъ Василю Ивановичу.

— Уйди, окаянный!—въ раздраженіи вскричалъ Василій Ивановичъ, замахиваясь на Михалу.

На помощь отцу подскочилъ Казюшка, и между поѣзжанами жениха и отцомъ и братомъ невѣсты произошла легонькая потасовка. Наконецъ поѣзжане оттащили отъ церковныхъ дверей упрямаго Василю Ивановича и начали усовѣщевать не дѣлать шума и примириться съ совершившимся.

— Все равно, упрямствомъ вѣдь ничего не добьешься,

а если разстроишь начавшееся вѣнчаніе, то этимъ только навсегда обезчестишь свою же собственную дочь,—говорили ему окружающіе.

Василій Ивановичъ опомнился и долженъ былъ, скрѣпя сердце, признать, что говорили ему правду.

— Давай, свать, помиримся; вотъ выпьемъ лучше за здоровье молодыхъ,—миролюбиво говорилъ между тѣмъ Михала, вытаскивая изъ кармана запасенный имъ полштофъ водки.

При видѣ магической бутылки сердце Василя Ивановича сразу же размякло. Онъ сорвалъ со своей головы шапку и грянулъ ею о землю.

— Ахъ, кереметь васъ возьми-то! Дѣлать, видно, нечего, приходится мириться. Да только какъ же это? Вѣдь ты меня совсѣмъ безъ калыму хочешь оставить,—обратился онъ къ своему новому свату.

— Зачѣмъ, Василій Ивановичъ, безъ калыму. Вотъ я тебѣ при свидѣтеляхъ говорю, что калымъ я тебѣ заплачу, но только не обезсудь, дорогой сватушка, больше двухсотъ рублей не могу. Ну-ка, кушай на доброе здоровье, — сказалъ Михала, подавая свату стаканъ водки.

Тотъ принялъ предложенный стаканъ и при общемъ одобреніи всѣхъ присутствующихъ залпомъ осушилъ его.

— Ужъ мириться, такъ мириться надо, какъ слѣдуетъ,—сказалъ онъ, закусывая поданнымъ ему кускомъ пирога:—свадьбу надо сыграть по-настоящему; а то что же это за свадьба безо всего, безъ большого поѣзда, безъ пировки? Да что она мнѣ, не родная дочь, что ли?

— А кто же намъ запретить устроить большой поѣздъ послѣ вѣнца, чтобы всѣ порядки были соблюдены и все было сдѣлано честь-честью?—сказалъ Михала.

И сватовья тутъ же, за распитіемъ водки, окончательно помирились, а когда вѣнчаніе было окончено и молодые вышли изъ церкви, между родными жениха и невѣсты установилось уже полное согласіе.

Увидя своего отца, Кулингге сначала страшно перепугалась, но потомъ, замѣтивъ улыбающееся лицо подвыпившаго Василя Ивановича, повалилась ему въ ноги, прося прощенія.

Такимъ образомъ всенародно произошло примиреніе отца съ дочерью.

По заведенному въ такихъ случаяхъ обычаю, невѣсту отправили впредь до большого поѣзда опять въ домъ отца, а женихъ тоже уѣхалъ домой. Сватовья же вмѣстѣ съ нѣкоторыми поѣзжанами отправились въ кабакъ для окончательныхъ переговоровъ какъ относительно калыма и приданого, такъ и относительно празднованія свадьбы по чувашскому церемоніалу, чтобы соблюсти все отцовскіе обряды и обычаи, которые при обычномъ сватовствѣ должны были быть продѣланы до вѣнца. Само собой разумѣется, что эти переговоры не обошлись безъ обильныхъ возліяній; было рѣшено устроить большой поѣздъ только черезъ недѣлю, чтобы дать время своимъ бабамъ настряпать все необходимое, а самимъ сдѣлать соотвѣтствующія случаю закупки въ городѣ и приготовиться такимъ образомъ къ свадебнымъ торжествамъ, какъ слѣдуетъ. Безъ большого поѣзда для всякаго уважающаго себя чувашенина свадьба — не свадьба, и отказаться отъ него или отъ какой-нибудь освященной вѣками свадебной церемоніи—это значить лишить себя чести въ глазахъ всѣхъ добрыхъ людей.

VI.

Въ назначенный для большого поѣзда день родственники Михалы гурьбою собрались въ его домъ. Молодой нарядился въ свое лучшее платье и, несмотря на жару, по обычаю, надѣлъ на голову теплую шапку, на шею—бисерное ожерелье, на руки—рукавицы, и вооружился увѣсистою нагайкой. Выйдя изъ дому, онъ сначала осмотрѣлъ разные подарки и

гостинцы, уложенные на особую телѣгу и назначенные для родни Кулингге. Въ первую голову на этой телѣгѣ была поставлена кадка съ пивомъ ведеръ въ десять, затѣмъ ведро водки и большая кожаная сума, наполненная разными сластями.

Убѣдившись, что все въ порядкѣ, онъ сѣлъ верхомъ на лошадь и выѣхалъ изъ воротъ; слѣдомъ за нимъ тронулась телѣга съ подарками, а за нею другія телѣги съ дружкой, свахами, родственниками и товарищами молодого и неизбѣжнымъ шыбырзе, запузыривавшимъ на своемъ инструментѣ. Всѣ поѣзжане, какъ мужчины, такъ и женщины, ѣхали всю дорогу не сидя, а стоя, и съ гикомъ распѣвали пѣсни подъ музыку пузырщика при оглушительномъ звонѣ колокольчиковъ и бубенцовъ, навѣшенныхъ на лошадей.

Между тѣмъ Василій Ивановичъ, въ ожиданіи молодого со свитою, вынесъ изъ дома на дворъ скамейки и столъ и разставилъ на немъ приготовленные къ свадьбѣ угощенія. Молодуха же въ это время ходила по домамъ своихъ ближайшихъ родственниковъ и, прощаясь съ ними, каждыя оплакивала съ причотами.

— Ъдутъ, ѣдутъ!—послышались съ улицы крики мальчишекъ.

Дѣйствительно, показался свадебный поѣздъ молодого съ его свитою. Проѣхавъ съ шумомъ и пѣснями по деревнѣ, поѣздъ остановился возлѣ затворенныхъ воротъ Василія Ивановича.

— Богъ въ помощь! — крикнулъ хозяину хыйматлыкъ—посаженыи отецъ, постучавъ въ ворота.

— Поди-ка добро-жаловать, — отвѣтилъ Василій Ивановичъ.

— Не будетъ ли милости, не пустите ли проѣзжающихъ покормить лошадокъ?—попросился хыйматлыкъ.

— Проваливайте мимо! Много тутъ вашего брата ѣздитъ.

— Сдѣлайте такую божескую милость, пустите!

Начались переговоры, окончившіеся тѣмъ, что хозяину поднесли стаканъ водки, и онъ растворилъ ворота.

Въѣхавъ во дворъ, молодой со своими родными троекратно объѣхалъ вокругъ назначеннаго для нихъ почетнаго стола, каждый разъ кланяясь вышедшимъ изъ избы почет-

Чувашки въ праздничной одеждѣ.

нымъ гостямъ молодухи. Послѣ третьяго объѣзда новобрачный трижды ударилъ нагайкой по назначенному для него мѣсту, отгоняя такимъ образомъ отъ пиршества нечистаго духа. Затѣмъ началось угощеніе съ обильною выпивкой и шумнымъ весельемъ.

Въ это время молодуха, окончивъ свои прощальные визиты, оплакивала уже своихъ гостей у себя дома, поднося каждому изъ нихъ по ковшу пива. Она становилась передъ

угощаемымъ на одно колѣно и не вставала до тѣхъ поръ, пока тотъ, отпивъ, не клалъ въ ковшъ какую-либо монету. Обойдя такимъ образомъ всѣхъ, Кулингге удалилась за занавѣсъ къ своимъ подругамъ, которыя сняли съ ея головы дѣвичье украшеніе то х ъ ю — конусообразную тибетейку, застегивающуюся двумя ремешками подъ подбородкомъ; у нея расплели косу и надѣли головной уборъ замужнихъ женщинъ — х о ш п у. Эта хошпа представляла собою кожаный колпакъ цилиндрической формы безъ верху, съ двумя украшенными серебряными монетами ремнями, тоже застегивающимися подъ подбородкомъ. На задней ея части былъ прикрѣпленъ длинный, спускающійся ниже пояса ремень, шириною въ четверть, весь унизанный мѣдными бляхами и разноцвѣтнымъ бисеромъ. Сама же хошпа точно также была вся унизана шестью рядами серебряныхъ монетъ, сначала гривенниками, потомъ пятиалтынными, двугривенными и т. д., до цѣлковыхъ. Затѣмъ на Кулунгге надѣли синій суконный кафтанъ, а черезъ плечо т е в е т ь — перевязь, украшенную бисеромъ и серебряными монетами, голову же и лицо завѣсили кисейнымъ покрываломъ.

Тѣмъ временемъ хыйматлыкъ, испросивъ у отца и родныхъ молодухи позволеніе, вошелъ съ новобрачнымъ и его свитою въ избу. Всѣ были съ открытыми головами, и только одинъ молодой не снялъ ни шапки ни рукавицъ. Слѣдомъ за ними тотчасъ же внесли въ избу кадку съ пивомъ и сласти и расположили все это на столѣ около двери. Молодой со свитою трижды обошелъ вокругъ стола, снова каждый разъ кланяясь роднымъ молодухи; затѣмъ онъ зачерпнулъ ковшомъ изъ кадки и, подойдя къ своему тестю, проговорилъ съ низкимъ поклономъ:

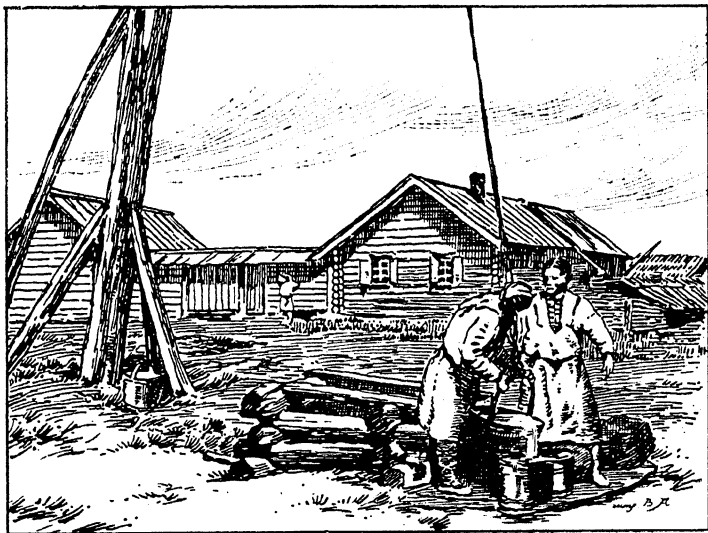
— Тава сана (твое здоровье)!

Выпивъ изъ ковша, онъ снова зачерпнулъ его и подаль Василю Ивановичу. И тотчасъ же всѣ остальные присутствовавшіе начали подходить къ кадкѣ и, черпая изъ нея пиво, угощать другъ друга.

Отпраздновавъ у молодой, гости начали собираться въ обратный путь, въ домъ новобрачнаго. Кулингге вывели на дворъ, и хыйматлыкъ, взявъ ее въ охапку, посадилъ въ сѣдло верхомъ на приготовленную лошадь. Новобрачный съ дружками также вскочили на коней, и свадебный поѣздъ, увеличенный поѣзжанами молодухи и ея приданымъ, которое везли слѣдомъ на нѣсколькихъ подводахъ, съ шумнымъ весельемъ тронулся въ путь. По выѣздѣ за околицу, Илюкъ приблизился къ своей молодой женѣ и, распахнувъ ея покрывало, зорко, молча посмотрѣлъ въ ея лицо, а затѣмъ трижды плотно ударилъ ее нагайкою по спинѣ. Это означало, что мужъ будетъ всегда глядѣть въ глаза своей суженой, т.-е. любить ее, а за непослушаніе будетъ строго съ нея взыскивать.

По пріѣздѣ къ дому новобрачнаго, хыйматлыкъ и свахи ввели молодыхъ въ избу, гдѣ они, переступивъ черезъ порогъ, остановились съ преклоненными головами. Въ это время нарочно приглашенный на свадьбу іомся, вооружившись, подобно всѣмъ прочимъ гостямъ, ковшомъ съ пивомъ и взявъ шапку подъ мышку, произнесъ новобрачнымъ привѣтствіе, желая имъ мира, согласія, богатства и вообще всякаго добра. Выслушавъ это привѣтствіе, молодые отошли къ печкѣ, передъ которою Кулингге, все еще находившаяся подъ покрываломъ, сдѣлала низкій поклонъ въ знакъ уваженія къ своему будущему домашнему очагу. Гости разступились и дали мѣсто отцу жениха, Михалѣ, который вооружился суковатою вѣткою и сталъ около порога избы. Затѣмъ подъ музыку и при единодушномъ гиканьи и хлопаньи въ ладоши онъ началъ плясать впрысядку и, приблизившись къ новобрачной, дотронулся вѣткой до ея покрывала. Потомъ повторилъ эту пляску, начавъ отъ порога, во второй разъ. Наконецъ, приблизившись къ молодухѣ такимъ же образомъ въ третій разъ, онъ зацѣпилъ ея покрывало сукомъ вѣтки и, стащивъ его съ головы Кулингге, вышелъ съ нимъ изъ

избы. Послѣ этого новобрачныхъ усадили за столъ, покрыли ихъ головы войлокомъ, а на столъ поставили горячую яшку. Каждый изъ гостей сталъ подходить къ этому кушанью, зачерпывалъ полную ложку и, отвѣдавъ немного, остальное

Чувашскія женщины у колодца.

бросалъ на головы новобрачнымъ. Церемонія эта сопровождалась разными шутками и смѣхомъ, а такъ какъ всѣ гости были сильно навеселѣ, то большинство изъ нихъ норовило попасть яшкой прямо въ лицо молодымъ. Тѣ морщились, втихомолку ворчали, но, по обычаю, не должны были открыто выражать своего недовольства и выходить изъ-за стола, пока вся яшка не была на нихъ разбросана.

По окончаніи этой церемоніи новобрачная взяла коромысло съ ведрами и, въ сопровожденіи старшей золовки, отправилась за водой. Подойдя къ рѣчкѣ, она прежде всего

низенько поклонилась ей и потомъ, зачерпнувъ воду, поставила ведра на землю. Но золовка толкнула ихъ ногой и разлила у ней воду. Кулингге зачерпнула во второй разъ, но золовка опять опрокинула ведра. Наконецъ, зачерпнувъ въ третій разъ, Кулингге подарила золовкѣ шелковый платокъ, и та, умилостивившись этимъ подаркомъ, уже не препятствовала ей нести воду домой.

По возвращеніи съ рѣчки новобрачной, молодыхъ отправили въ клѣтъ, гдѣ молодуха должна была снять сапоги съ мужа, а свахи, собравшись подлѣ дверей, начали пѣть пѣсни.

Молодая Акулинушка
Черновата, рябовата,—

затянула одна изъ нихъ.

Ахъ, ахъ, позабыли.
Позабывши, взяли ее!—

подхватили остальные припѣвъ.

До пробужденья жолтянки
Пусть сарни *) свой подвяжетъ.

Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывши, взяли ее!

До восхода солнышка
Пусть встанетъ, умоется.

Ахъ, ахъ...

До пробужденья ворона
Пусть сарпанъ **) обернетъ.

Ахъ, ахъ...

До пробужденья мелкихъ пташекъ
Пусть салму ***) накрошитъ.

Ахъ, ахъ...

До пробужденія сороки
Котель, вымывши, подвѣситъ.

Ахъ, ахъ...

До пробужденья крапивника
Пусть ведра принесетъ.

Ахъ, ахъ, позабыли,
Позабывши, взяли ее!

---

*) Нарядъ, надѣваемый на спину.

**) Полотно, которымъ обертывается голова.

***) Особое кушанье.

Затѣмъ, когда новобрачная въ сопровожденіи свахъ вновь появилась въ избѣ съ подарками въ рукахъ для родныхъ мужа, она остановилась у печки, уже не кланяясь ей, какъ лицо домашнее. Одна изъ свахъ налила и подала ей ковшъ съ пивомъ, а молодая съ низкимъ поклономъ поднесла его сначала свекру, а потомъ и прочимъ гостямъ, послѣ чего начала раздавать приготовленные дары, а одаряемые, въ свою очередь, отдаривали ее нѣсколькими монетами.

Свадебные пиры продолжались нѣсколько дней, а потомъ все вошло въ обычную колею, и молодые зажили въ мирѣ и согласіи.

Ч у в а ш и.

Очеркъ

Чуваши живутъ главнымъ образомъ въ Казанской и Симбирской губерніяхъ, но встрѣчаются также въ Саратовской, Самарской, Уфимской и Оренбургской. Общая численность ихъ простирается до милліона душъ.

Происхожденіе чувашъ до сихъ поръ мало выяснено. Судя по языку, ихъ можно отнести къ тюрко-татарамъ, но другія расовыя особенности заставляютъ думать, что они происходятъ отъ какого-либо отатарившагося и позабывшаго свой родной языкъ угро-финскаго племени.

Есть много основаній полагать, что нынѣшніе чувашы—это потомки прежнихъ буртасовъ, жившихъ до татарскаго нашествія почти на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живутъ чувашы, и представлявшихъ собою многочисленный торговый и, по тогдашнему времени, даже довольно образованный народъ. У нихъ въ то время были свои города, изъ которыхъ наиболѣе славилась Буртасъ, находившійся, по увѣренію нѣкоторыхъ ученыхъ, около нынѣшняго Саратова, и Сиваръ. По сказанію древнихъ писателей, буртасы уже въ то отдаленное время занимались главнымъ образомъ земледѣліемъ и зимою жили въ деревянныхъ домахъ, а на лѣто расходились по кочевьямъ.

До сихъ поръ среди чувашъ различаютъ два типа: финскій—блондины, съ русыми волосами, свѣтлой кожей, широкимъ лицомъ, широкимъ отверстіемъ для глазъ и широкимъ же носомъ, и другой типъ—монгольскій: брюнеты съ косыми узкими глазами, смуглой кожей и выдающимися скулами.

Въ настоящее время чувашы живутъ или крупными селеніями, или небольшими семьями, но почти всегда отдѣльно отъ другого, какъ русскаго, такъ и иноплеменнаго населенія. Всѣ

чуваши исключительно земледельцы; скотоводство же, рыболовство, охота и пчеловодство служатъ имъ лишь подспорьемъ къ ихъ главному занятію.

Чувашскія деревни обыкновенно находятся въ глухихъ потаенныхъ лѣсныхъ мѣстахъ среди овраговъ или въ лощинахъ между горъ; строенія ихъ разбросаны безъ всякаго плана и порядка, такъ что заѣзжему человѣку, въ первый разъ попавшему въ ихъ деревню, очень трудно въ ней ориентироваться.— до того онѣ перепутаны разными улочками, закоулками и проѣздами между дворовъ. Первые насельники этихъ деревень съ намѣреніемъ старались хорониться отъ чужихъ глазъ и имѣли на это свои причины. Они были язычниками, тщательно оберегавшими свои вѣрованія, нравы и обычаи отъ чуждыхъ и непріязненныхъ имъ русскихъ, тѣмъ болѣе, что эти русскіе, въ лицѣ разныхъ крупныхъ и мелкихъ чиновниковъ и приказныхъ тогдашняго времени, тѣснили, угнетали и вымогали у темныхъ, безотвѣтныхъ чувашъ все, что только было возможно. Однако время брало свое, и, несмотря на всѣ старанія уберечь свою вѣру и свои обычаи отъ вліянія чуждаго имъ христіанства, это послѣднее все-таки къ нимъ проникало. Частью убѣждаемые православными миссіонерами, частью соблазняемые разными льготами и матеріальными выгодами, а иногда и просто подъ давленіемъ начальства, чувашы мало-по-малу переходили въ православіе и наконецъ сдѣлались если не убѣжденными христіанами, то по крайней мѣрѣ на бумагѣ стали считаться таковыми.

Дома въ чувашской деревнѣ значительно отличаются отъ домовъ русскихъ крестьянъ. Большая ихъ часть строится двоями на востокъ, куда чувашы въ своихъ языческихъ молитвахъ обращаются къ богамъ. Сѣней у домовъ нѣтъ, а вмѣсто нихъ по правую сторону отъ двери устанавливаются такъ называемые булдыры—чуланчики. Съ лѣвой же стороны отъ двери устраивается волоковое оконце, къ которому во время поминокъ усопшихъ и другихъ религіозныхъ церемоній прилѣпляются восковыя свѣчи. По южной и западной стѣнѣ тянутся сагане—широкія нары, служащія лавками и постелями. На сѣверной сторонѣ устраивается битая изъ глины кумагга—печь съ выдающимся, значительно углубленнымъ очагомъ, на которомъ обыкновенно варится яшка—любимая чувашами каша. На той же сторонѣ — волоковое окно для выпуска дыма. Въ южной стѣнѣ, недалеко отъ кіота съ иконою—большое

окно съ рамою, въ которомъ по большей части, вмѣсто стеколъ, вставляются бычьи пузыри.

За домомъ находятся кадры—скотные дворы. На юго-восточной сторонѣ дома ставятся амбары, иногда двухъэтажные. Тотчасъ же за деревней начинаются поля и пашни, а немного подалѣе тянутся густые, темные лѣса.

Какъ исконные землеробы, чуваша издавна были трудолюбивымъ, прилежнымъ и запасливымъ народомъ. И хлѣба, и скота, и пива, и меду у нихъ всегда бываетъ, или, по крайней мѣрѣ, бывало ранѣе, въ изобиліи. Они всегда были далеко запасливѣе русскихъ крестьянъ. Совершенныхъ бѣдняковъ, нищихъ, у нихъ даже и теперь почти не встрѣчается. Правда, одѣваются они не щеголевато, но это происходитъ не отъ недостатка, на что завести хорошую одежду,—напротивъ, каждый имѣетъ для этого полную возможность и желалъ бы пріодѣться какъ слѣдуетъ и, вмѣсто лаптей, завести сапоги съ морозомъ (со скрипомъ); но это значило бы обратить вниманіе на свою зажиточность кого не слѣдуетъ, а чуваша, издавна наученные горькимъ опытомъ, стараются скрывать свое богатство отъ алчности русскихъ, въ каждомъ изъ которыхъ они почти и до сихъ поръ видятъ или чиновника, или приказнаго. Они привыкли плохо одѣваться по той же причинѣ, по которой старались когда-то селиться въ оврагахъ и другихъ укромныхъ мѣстахъ.

Въ настоящее время, какъ мы сказали, чуваша считаются христіанами, но это ихъ христіанство прекрасно уживается съ ихъ древними языческими вѣрованіями, и православныя иконы, напримѣръ, по ихъ понятіямъ, изображаютъ не того или другого христіанскаго святого, а добрыхъ или злыхъ чувашскихъ духовъ, которыхъ нужно умилостивлять молитвами, свѣчами и проч.

Прежняя языческая вѣра чувашъ была такова. До сотворенія человѣка были одни только боги, изъ которыхъ главныхъ было два: Сюльди-Тора—богъ добра и свѣта, жившій со своею женой на небесахъ, и Шайтанъ—богъ зла и тьмы, пребывавшій въ безднѣ мрака. Въ распоряженіи этихъ двухъ главныхъ боговъ было много второстепенныхъ, имъ подчиненныхъ. Такъ, у Сюльди-Тора главнѣйшими помощниками были: Сюдь-Тунзы-Тора, посылающій на землю свѣтъ и тепло; Чокъ-Сіораданъ-Тора, дающій новорожденнымъ младенцамъ души; Аслаадій-тора—богъ грома и молніи, и много другихъ. Главнѣйшіе же изъ помощниковъ Шайтана: Есрель—богъ смерти; Аръ-Сюри—

лѣсной богъ, поражающій людей разными болѣзнями; Ирихъ, насылающій на людей разныя кожныя болѣзни: чирьи, коросту, болѣзни глазъ и т. п.; Ийе—не столько злой, сколько озорной богъ, любящій подшутить надъ человѣкомъ злыми шутками, но въ то же время и умножающій богатство того хозяина, который его чтитъ и приноситъ ему жертвы, и проч.

Но самый страшный изъ чувашскихъ боговъ—это Кереметь, о которомъ у чувашъ существуетъ слѣдующая легенда.

Кереметь былъ когда-то первенцемъ самого Сюльди-Тора, жилъ вмѣстѣ съ нимъ на небесахъ и былъ добрымъ богомъ. Это было давно-давно, еще въ то время, когда люди были не такими, какъ теперь. Они были сначала созданы Сюльди-Торой слабыми, безобразными несмышлениками, ходили на четверенькахъ, питались травой и были беззащитны отъ дикихъ звѣрей и непогоды. Но потомъ Сюльди-Тора сжалился надъ ними, и, по его приказанію, богъ Чокъ-Сіораданъ-Тора создалъ цѣлую тьму человѣческихъ душъ и нѣкоторыхъ изъ нихъ соединилъ съ жившими уже на землѣ людьми, а другихъ оставилъ въ райской обители для дѣтей и потомковъ первыхъ людей. И вотъ, когда созданная этимъ богомъ душа соединялась съ человѣкомъ, онъ дѣлался умнымъ, начиналъ ходить на ногахъ, укрощать дикихъ животныхъ, питаться ихъ мясомъ, владѣть землею и всѣмъ, что на ней находится. Вскорѣ послѣ этого люди сдѣлались владыками земли и всего на ней существующаго. Земля въ изобиліи родила имъ всякаго рода хлѣба и плоды; не требуя отъ человѣка ни удобренія, ни воздѣлыванія, ни ухода за нею. Скота было въ изобиліи, имущество у всѣхъ было равное, и люди не знали ни тяжелой работы, ни нужды, ни горя, ни заботъ, ни болѣзней. И всѣ эти блага сыпалъ на нихъ первенецъ Сюльди-Тора—Кереметь. Онъ постоянно разъѣзжалъ по землѣ въ пышной колесницѣ, запряженной бѣлыми конями, и всюду приносилъ съ собою плодородіе, обиліе благъ земныхъ, довольство, счастье. Но этому блаженству людей позавидовалъ Шайтанъ, и началъ онъ ихъ соблазнять на худыя дѣла. И они послушались его, стали лѣниться и возгордились; отъ бездѣлья у нихъ появились пьянство и обжорство, а въ пьяномъ видѣ они стали заводить между собою драки, ссоры и вражду. Каждый хотѣлъ быть больше другого, властвовать надъ другими. Наконецъ, отуманенные гордостью и подстрекаемые Шайтаномъ, они совершили страшное злодѣйство—убили своего благодѣтеля Кереметя, а чтобы скрыть отъ Сюльди-Тора свое преступленіе, они

сожгли тѣло его убитаго сына и прахъ развѣяли по вѣтру. И вотъ тамъ, гдѣ палъ на землю этотъ прахъ, выросли деревья, а съ ними возродился и Кереметь, но уже не одинъ, а во множествѣ враждебныхъ человѣку злыхъ боговъ. Такъ произошло множество кереметей, которые сдѣлались уже привязанными къ землѣ и лишились возможности жить на небѣ въ сообществѣ съ добрыми богами. Число ихъ потомъ увеличилось еще болѣе, когда они пережились и произвели многочисленное потомство. Съ тѣхъ поръ озлобленные керемети стали мстить людямъ за свое убіеніе и за потерю права на небесное жилище. Они стали поражать людей всякими бѣдами и страданіями, и если бы только люди не умилостивляли ихъ жертвоприношеніями, то уже давно были бы стерты съ лица земли.

Поэтому всякій разъ, когда устраивается какая-либо новая деревня, нѣкоторые изъ кереметей поселяются также неподалеку отъ нея на новыхъ мѣстахъ, но эти мѣста можетъ открыть только по особому указанію—по пророческому ли сновидѣнію, или другимъ какимъ-либо чудеснымъ способомъ—или і о м с я (жрецъ), или какой-либо старый человѣкъ. Вотъ почему возлѣ каждой чувашской деревни обязательно есть своя кереметь, а то и нѣсколько. Главныхъ же кереметей, какъ и главныхъ боговъ, тоже нѣсколько, и всѣ они носятъ свое особое названіе. Есть большая кереметь, средняя, малая, серебряная и много другихъ; но самая страшная изъ нихъ—это Хаяръ-кереметь. Она самая свирѣпая, самая грозная, и бѣда тому чувашенину, который вызоветъ на свою голову ея гнѣвъ.

Мѣста жертвоприношеній кереметямъ, называемыя тоже кереметями, обыкновенно представляютъ собою большую, въ нѣсколько десятковъ сажень длины и ширины, четырехугольную площадь, огороженную заборомъ въ ростъ человѣка. Въ нее ведутъ трое воротъ: съ востока, съ запада и съ сѣвера. Въ сѣверныя ворота проносится необходимая при жертвоприношеніяхъ вода, въ западныя входятъ и выходятъ молящіеся, а въ восточныя проводятъ только жертвенныхъ животныхъ, достоинство которыхъ прежде всего испытывается водой: эту воду льютъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока своимъ трепетаніемъ они не доказываютъ, что угодны керемети. Если же животное не вздрагиваетъ, то мясо его считается негоднымъ для жертвоприношенія. Вздрагивающее животное тотчасъ же закалываютъ, снимаютъ съ него шкуру, отдѣляютъ голову и внутренности отъ жертвеннаго мяса, а послѣднее разрѣзаютъ на столько

кусковъ, сколько молящихся. Омывъ затѣмъ эти части водой, ѱмся относить ихъ на жертвенникъ, представляющій собою столъ, сажени полторы въ длину и аршина полтора въ ширину. Этотъ жертвенникъ стоитъ вправо отъ западныхъ воротъ, саженьяхъ въ шести отъ забора. По обѣимъ его сторонамъ врыто по два столба съ перекладинами, на которыя вѣшаются котлы съ мясомъ жертвенныхъ животныхъ. Эти перекладины посредствомъ особыхъ отводинъ соединяются съ навѣсомъ, находящимся надъ жертвенникомъ. По вѣрованію чувашъ, во время моленій на жертвенникѣ присутствуетъ сама кереметь, а на отводинахъ—ея семейство. Когда дымъ отъ горящихъ подъ котлами дровъ сгущается около жертвенника, начинается моленіе. Положивъ шапки подъ лѣвую руку, чуваша становятся въ нѣсколько рядовъ около жертвенника и съ частыми поклонами начинаютъ молить кереметя-отца, кереметь-мать, дѣтей керемети и прочихъ злыхъ духовъ о помилованіи, объ избавленіи отъ горя, болѣзней и „сухой бѣды“, т.-е. отъ возможности ни за что ни про что попасть подъ судъ, запутаться въ какомъ-либо судебномъ слѣдствіи, чего чуваша боятся больше всего на свѣтѣ. Молитвы обыкновенно провозглашаетъ ѱмся, а народъ повторяетъ ихъ за нимъ. Такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока мясо въ котлахъ не уваривается. Когда же оно сдѣлается готовымъ, ѱмся раздаетъ куски молящимся, которые уходятъ съ ними подъ навѣсъ, тянущійся вдоль западнаго забора. Здѣсь, сидя на скамейкахъ и обратясь лицомъ къ востоку, они ѣдятъ жертвенное мясо, а остатки его уносятъ домой. Головныя и ножныя кости, а также шкуры жертвенныхъ животныхъ послѣ трапезы развѣшиваются на растущихъ въ керемети деревьяхъ; на этихъ же деревьяхъ дѣвушки, выходящія замужъ, вѣшаютъ по аршину вытканнаго ими холста. Если въ керемети есть дуплистое дерево, туда молящіяся опускаютъ жертвенныя деньги, смотря по достатку. Все имущество, находящееся въ керемети, считается священнымъ и неприкосновеннымъ: ни лѣсъ рубить, ни траву косить, ни звѣрей бить въ немъ не дозволяется. Охранять это имущество нѣтъ никакой надобности, потому что кереметь, а въ особенности Хаяръ-кереметь, считается такимъ лютымъ, свирѣпымъ и грознымъ божествомъ, что всякій спѣшить въ обычное время обходить какъ можно дальше ея строенія, а не то что заглядывать въ нихъ.

За убійство своего сына, говоритъ та же легенда, Сюльди-Тора разсѣялъ людей по всей землѣ и поручилъ одному изъ

своихъ старшихъ помощниковъ, богу Кебе, назначить каждому человѣку его жребій. Съ тѣхъ поръ и явилось среди людей различіе состояній, племень и языковъ. А языковъ было придумано семьдесятъ семь самимъ Сюльди-Торой. И вотъ послѣ того Кебе всякій разъ при рожденіи ребенка назначаетъ ему счастливую или несчастную долю, а Пюлюхен и Пигамбаръ приводятъ въ исполненіе это назначеніе.

Для того, чтобы водворить между людьми спокойствіе, порядокъ и благоустройство, Сюльди-Тора поставилъ надъ ними Сирди-Падшу—земного царя, наказавъ ему творить среди людей судъ и расправу. Когда же всѣ люди сдѣлаются снова добродѣтельными, то для нихъ опять настанетъ на землѣ райская; блаженная жизнь. Добродѣтель же состоитъ въ почитаніи боговъ и принесеніи имъ жертвъ, въ исполненіи повелѣній Сирди-Падши, въ уваженіи старшихъ, особенно іомсей, въ любви къ равнымъ, въ снисходительности къ низшимъ, въ довольствѣ своимъ жребіемъ, въ неприсвоеніи себѣ ничего чужого, въ трудолюбіи и гостепрѣмствѣ.

Всѣ добродѣтельные люди послѣ своей смерти будутъ поселены въ мамыкъ-сиръ—въ свѣтлой, плодородной странѣ; тамъ у нихъ будутъ красивые дома, а хлѣба, разнаго скота, денегъ, товаровъ, нарядной одежды, вина и пива будетъ въ изобиліи, и всю свою нескончаемую жизнь они будутъ проводить въ радости, весельѣ и пирахъ. Грѣшнымъ же людямъ будетъ на томъ свѣтѣ голодно, холодно и тяжело. Ихъ отведутъ въ мамыкъ-хоранъ—въ темную бездну, гдѣ они напрасно будутъ стараться выстроить себѣ дома, воздѣлать землю, обзавестись хозяйствомъ: ни въ чемъ имъ не будетъ удачи, и они вѣчно будутъ бѣдствовать, вѣчно будутъ мучиться отъ голода, жажды и скитаться во мракѣ и холодѣ.

Но и добрые люди, хотя и живутъ на томъ свѣтѣ счастливо и въ довольствѣ, однако всегда не прочь съ удовольствіемъ попить на праздникахъ, устраиваемыхъ въ ихъ честь оставшимися на землѣ родными и пріятелями. Злымъ же мертвецамъ, не попавшимъ вмѣстѣ съ праведниками въ мамыкъ-сиръ, еще больше причинъ присутствовать на этихъ поминкахъ: въ аду имъ ѣсть нечего, тамъ они голодаютъ и питаются только тѣмъ, что имъ удастся урвать на поминкахъ, устраиваемыхъ на землѣ въ ихъ память родными. А кромѣ того, чуваша убѣждены, что животныя, съѣдаемыя ими на поминкахъ, переходятъ на тотъ свѣтъ и дѣлаются тамъ до-

стояніемъ тѣхъ умершихъ чувашъ, въ память которыхъ животное съѣдено.

Вотъ почему поминки по умершимъ у чувашъ въ большомъ распространеніи, и ни одинъ чувашенинъ, будь онъ самый бѣдный, никогда не пропуститъ случая помянуть съ подобающей выпивкой и закуской своихъ умершихъ родственниковъ.

Въ книжномъ магазинѣ П. В. ЛУКОВНИКОВА,

С.-Петербургъ, Лештуковъ переулокъ, 2,

продаются, между прочими, слѣдующія книги:

Сочиненія Э. Томпсонъ-Сетона:

Разказы изъ жизни животныхъ.

Пер. съ англійскаго.—Изд. 2-е.—Съ 156 рис. автора.
Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 р. 25 коп., въ перепл. 1 р. 75 коп.

Жизнь гонимыхъ.

Пер. съ англійскаго.—Съ 207 рис. автора.
Цѣна 1 руб., въ папкѣ 1 р. 25 коп., въ перепл. 2 рубля.

ДВА МАЛЕНЬКИХЪ ДИКАРЯ.

Приключенія двухъ мальчиковъ, жившихъ жизнью индѣйцевъ, и
чему они научились.

Пер. съ англійскаго.—Съ 300 рисунк. автора.
Цѣна 1 р. 25 коп., въ папкѣ 1 р. 50 к., въ перепл. 2 рубля.

Жизнь сѣраго медвѣдя.

Пер. съ англійскаго.—Съ 75 рис. автора.
Цѣна 35 коп., въ папкѣ 50 коп.

По слѣду оленя Песочной горы.

Пер. съ англійскаго.—Съ 60 рис. автора.
Цѣна 18 коп., въ папкѣ 28 коп.

Отдѣльные разказы того же автора:

- Бинго и Вулли.** Разказы о собакахъ. Съ 36 рис. Ц. 15 коп.
Кенгуровая крыса и др. разказы. Съ 35 рис. Ц. 15 коп.
Красношейка. Исторія одной куропатки. Съ 21 рис. Ц. 13 коп.
Крэгъ, Бутенейскій баранъ. Съ 49 рис. Ц. 23 коп.
Лобо, король Курумпо. Съ 20 рис. Ц. 10 коп.
Медвѣжонокъ Джонни. Съ 38 рис. Ц. 15 коп.
Мустангъ-иноходецъ. Съ 28 рис. Ц. 10 коп.
Рваное Ушко. Исторія одного кролика. Съ 26 рис. Ц. 13 коп.
Серебряное Пятнышко. Исторія вороны. Съ 16 рис. Ц. 9 коп.
Спрингфильдская лисица. Съ 20 рис. Ц. 10 коп.
Тито. Исторія койота, который научилъ своихъ уму-разуму. Съ 49 рис. Ц. 23 коп.
Уличный пѣвецъ и др. разказы. Съ 42 рис. Ц. 13 коп.

Въ папкѣ каждая книжка на 10 коп. дороже.

Святочные рассказы Н. И. ПОЗНЯКОВА:

I. Кичливая и счастливая.

Съ рисунками. Ц. 10 к.

II. Безъ елки. Ц. 5 к.

III. Мятель. Съ рис. Ц. 10 к.

IV. Святой Николай. Ц. 10 к.

V. Малышъ. Ц. 5 к.

Одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученич. библиотекъ средн. и низш. уч. зав. Значатся въ каталогѣ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читальнъ, изданномъ по распоряженію Мин. Нар. Пр. Допущены Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Синодѣ въ ученич. библиотеки мужск. духовныхъ и женск. епархіальныхъ училищъ. Одобрены Учебнымъ Комитетомъ по учр. Имп. Маріи для ученич. библиотекъ среднихъ классовъ ср. уч. зав.

VI. Изъ милаго далена. Съ рис. Ц. 20 к.

VII. Происшествіе. Съ рис. Ц. 10 к.

Одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученич. библиотекъ средн. и низш. уч. зав. Значатся въ каталогѣ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читальнъ, изданномъ по распоряженію Мин. Нар. Пр. Допущены Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Синодѣ въ ученич. библиотеки мужск. духовныхъ и женск. епархіальныхъ училищъ. Рекомендованы Гл. Упр. военно-уч. зав. для чтенія воспитанниками кадетскихъ корпусовъ.

VIII. Лѣсникъ. Съ рис. 10 к.

IX. Кока—Колѣ. Съ рис. 10 к.

Рекомендованы Гл. Упр. военно-уч. зав. для чтенія воспитанниками кад. корпусовъ. Допущены Учебнымъ Комитетомъ при Свят. Синодѣ въ ученич. библ. мужск. духовныхъ и женск. епархіальныхъ училищъ.

X. На волоскѣ. Съ рисунками. Ц. 5 к.

Допущена Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ бесплатныя народныя библиотеки и читальни.

XI. Съ того свѣта. Съ рисунками. Ц. 5 к.

Рекомендована Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетъ младшихъ классовъ.

XII. Къ тантхенъ. Ц. 10 к.

XIII. Весной запахло. Съ рисунками. Ц. 5 к.

Рекомендованы Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для чтенія кадетъ младшихъ классовъ.

Хижина дяди Тома. *Бичеръ-Стоу.* Полный переводъ А. А. Рагозиной подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Съ 68 рис.

Цѣна въ изящной обложкѣ 80 к., въ папкѣ 1 р., въ коленкоровомъ переплетѣ 1 р. 50 к.

Разказы Н. А. ТЕПЛОВА.

Русскій плѣнникъ. Историческій разказъ изъ временъ Петра Великаго. Съ рисунками. Ц. 8 к.

Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ библіотеки низш. уч. зав. и въ бесплатныя читальни. Рекомендовано Гл. Упр. военно-уч. зав. для приобрѣтенія въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

Господь покаралъ. Изданіе 2-е. Съ рисунками. Ц. 8 к.

Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ библіотеки низш. учебныхъ заведеній и въ бесплатныя читальни.

Лукавый попуталъ. Съ рисунками. Ц. 15 к.

Польская вольница. Повѣсть изъ смутнаго времени на Руси. Съ 8 отдѣльными рисунками. Ц. 30 к.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ бесплатныя народныя читальни.

Поздно. Съ рисунками. Ц. 6 к.

Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученич. библ. низш. училищъ, въ безпл. нар. читальни и библ. и для чтенія въ народн. аудиторіяхъ.

Сила вѣры. Изданіе 2-е. Съ рисунками. Ц. 5 к.

Нестроевой Миррюновъ и новобранецъ Юдензонъ. Изданіе 2-е. Съ рисунками. Ц. 10 к.

Допущены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученич. библіотеки низш. училищъ, въ безпл. нар. читальни и библіотеки и для чтеній въ народн. аудиторіяхъ. Рекомендованы Гл. военно-уч. зав. для приобрѣтенія въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ. Одобрены Главнымъ Штабомъ къ обращенію въ войскахъ.

Лазутчинъ. Повѣсть изъ временъ Петра Великаго. Изданіе 2 е. Съ рисунками. Ц. 35 к.

Допущена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. въ ученич. библіотеки низш. училищъ, въ безпл. нар. читальни и библіотеки и для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ. Рекомендована Гл. Упр. военно-уч. зав. для приобрѣтенія въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

Своимъ умомъ. Съ рисунками. Ц. 8 к.

Съ неба упало. Съ рисунками. Ц. 5 к.

Рекомендованы Главнымъ Управленіемъ военно-учебныхъ заведеній для приобрѣтенія въ ротныя библіотеки кадетскихъ корпусовъ.

Разказы А. Н. Острогорскаго:

Альпійская горная область. Съ рисунками Ц. 10 к.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученич. библиотекъ ср. возр. средн. уч. зав. Значится въ каталогахъ книгъ для низш. уч. зав. и для публичныхъ народныхъ чтеній и бесплатныхъ народныхъ читаленъ, изданныхъ по распоряженію Мин. Нар. Просв.

Восхожденіе Соссюра на Монбланъ. Съ рисунками Ц. 10 к.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученич. библиотекъ средн. возр. ср. уч. зав. Значится въ каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, изданномъ по распоряженію Мин. Нар. Пр.

Листокъ бумаги и старья книги.

Безпокойная ночь. Съ рисунками.

Ц. 10 к.

Ц. 10 к.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученич.

библиотекъ, младшаго возраста, гимназій и училищъ мужскихъ и женскихъ. Значится въ каталогахъ книгъ для низшихъ училищъ и публичныхъ народныхъ чтеній и для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, изданныхъ по распоряженію Мин. Нар. Просв.

Георгъ Краббъ, англійскій поэтъ. Съ рисунками. Ц. 10 к.

Одобрена Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученич. библи. средн. и низш. уч. зав. и допущена въ безпл. нар. читальни и библи.

Прерванная вечеринка. Съ рис.

Рыбаки на Волгѣ. Съ рис. Ц. 10 к.

Ц. 10 к.

Друзья и враги сельскаго хозяйства.

Дробинка. Съ рис. Ц. 10 к.

Съ рис. Ц. 10 к.

Рыбы. Съ рис. Ц. 10 к.

Допущены и одобрены Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просв. для ученич. библиотекъ средн. и низш. уч. зав. Значится въ каталогъ книгъ для безпл. народн. читаленъ, изданномъ по распоряженію Мин. Нар. Просв.

Первобытные лѣса. Съ рис. Ц. 10 к.

Допущена Ученымъ Комит. Мин. Нар. Просв. для ученич. библи. низш. училищъ и для публ. нар. чтеній. Значится въ каталогъ книгъ для безпл. нар. читаленъ, изданномъ по распоряженію Мин. Нар. Пр.

Польза прирученія животныхъ. Съ рисунками. Ц. 10 к.

Значится въ каталогъ книгъ для бесплатныхъ народныхъ читаленъ, изданномъ по распоряженію Мин. Нар. Просв.

Ясный и пасмурный день. Съ рис.

Электричество, громъ и молнія.

Ц. 10 к.

Съ рис. Ц. 10 к.

Огнедышащія горы. Съ рис. Ц. 10 к.

Что придумали люди, чтобы не бояться грозы. Съ рис. Ц. 10 к.

Снѣгъ. Съ рис. Ц. 10 к.

Родники. Съ рис. Ц. 10 к.

Какъ узнали люди, что въ воздухѣ

Смерть. Съ рис. Ц. 10 к.

имтеть вѣсь. Съ рис. Ц. 10 к.

Всѣ двадцать выпусковъ *Учебнымъ Комитетомъ при Святѣйшемъ Синодѣ* допущены въ ученич. библиотеки мужск. духовныхъ и женск. епархіальныхъ училищъ, въ качествѣ книгъ для дѣтскаго чтенія.

Расходы по пересылкѣ относятся на счетъ выписывающихъ.

Каталогъ книжнаго магазина П. В. ЛУКОВНИКОВА (Спб. Лештукъ пер., 2) по требованію высылается бесплатно.

Р а з с к а з ы

А. Ч Е Г Л О К А

изъ родной природы:

Чужимъ-трудомъ (Поморники). Съ 4 рис.	Ц. 5 к.
Шунгакъ-Куль (О чайкахъ). Съ 7 рис.	7 "
Бѣлая цапля. Съ 6 рис.	5 "
Устыдили (Про дрофъ). Съ 5 рис.	6 "
Кильмекъ и выдра (Разсказъ). Съ 6 рис.	5 "
Волкъ-путешественникъ (Сказка). Съ 4 рис.	5 "
Необыкновенный случай (Изъ жизни дикихъ кошекъ). Съ 5 рис.	6 "
Выручилъ (О куницахъ). Съ 4 рис.	7 "
Кротъ (Разсказъ). Съ 3 рис.	5 "
Дурный панъ (О тушканчикѣ). Съ 3 рис.	5 "
Экономъ (Изъ жизни хомяковъ). Съ 2 рис.	5 "
Чабанъ Бодро (О баранахъ). Съ 6 рис.	6 "
Ужинный царь (Объ ужахъ). Съ 5 рис.	5 "
„Носикъ“ (Болотная камышевка). Съ 5 рис.	5 "
Шурка золотистая (Разсказъ). Съ 6 рис.	5 "
Юла (Лѣсной жаворонокъ). Съ 6 рис.	5 "
Перепелъ. Съ 6 рис.	5 "
Бѣлый тетеревъ (Разсказъ). Съ 9 рис.	5 "
Ястребъ-перепелятникъ (Изъ записокъ худож- ницы). Съ 5 рис.	6 "
Пугачъ (Изъ жизни филиновъ). Съ 6 рис.	6 "

Ц Ъ Н А 14 коп.,

въ папкѣ 24 коп.